

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-520-533

EDN: LTWJIN

Научная статья / Research article

Азербайджанский фактор в столкновении иранского и турецкого «полумесяцев»: «геополитическое новолуние» на Южном Кавказе

М.М. Агазаде

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 agazade-mm@rudn.ru

Аннотация. Исламская Республика Иран и Турецкая Республика, два исторических соперника на Южном Кавказе и Ближнем Востоке, уделяют особое внимание отношениям с Азербайджанской Республикой. Это обусловлено прежде всего этнолингвистическим, религиозно-идеологическим и геополитическим факторами. Цель исследования — выявить особенности иранского и турецкого «полумесяцев», а также место Азербайджана в столкновении этих двух геополитических проектов. Под «иранским полумесяцем» подразумевается влияние и/или присутствие Ирана в Ливане, Сирии, Ираке, Азербайджане, Бахрейне и Йемене. Автор вводит термин «турецкий полумесяц» как внешнеполитическую стратегию Турции, основной целью которой является укрепление позиции страны на Южном Кавказе и Ближнем Востоке путем наращивания военных сил и расширения торгово-экономических связей, а также сдерживание иранского влияния в этих регионах. Иными словами, «турецкий полумесяц» подразумевает влияние и/или присутствие Турции в Ливии, на Кипре, в Сирии, Ираке, Азербайджане, Катаре и Сомали. Под термином «геополитическое новолуние» понимаются новые геополитические реалии, сложившиеся после Второй карабахской войны на Южном Кавказе и оказывающие влияние на архитектуру региональной безопасности, в том числе политику Тегерана и Анкары в данном регионе. Анализируются особенности иранского и турецкого «полумесяцев», использование властями Исламской Республики Иран и Турецкой Республики азербайджанского фактора в реализации их стратегий друг против друга. В основе данного исследования лежит конструктивный реализм, поскольку в соперничестве Ирана и Турции на Южном Кавказе и Ближнем Востоке наряду с военно-политическими и экономическими факторами особую роль играют религиозный, идеологический и этнический факторы. Автор также использует описательно-аналитический подход, опирающийся на изучение документов, научных работ, материалов СМИ, и метод сравнительного анализа для определения степени влияния соперничества между Турцией и Ираном на внешнеполитическую ориентацию Азербайджана. В заключении сделан вывод, что Исламская Республика Иран проиграла Турецкой Республике в азербайджанском сегменте столкновения двух «полумесяцев».

Ключевые слова: иранский полумесяц, турецкий полумесяц, Азербайджанская Республика, Исламская Республика Иран, Турецкая Республика, религиозный фактор, шиизм, суннизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья опубликована в рамках проекта «Азербайджано-иранские отношения в условиях новых геополитических реалий после Второй карабахской войны» по конкурсу РНФ 2022 г. «Проведение инициативных исследований молодыми учеными» Президентской программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учеными, в том числе молодыми учеными (№ 22-78-00067).

© Агазаде М.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Агазаде М. М. Азербайджанский фактор в столкновении иранского и турецкого «полу-месяцев»: «геополитическое новолуние» на Южном Кавказе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 520–533. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-520-533>

The Azerbaijani Factor in the Clash of the Iranian and Turkish ‘Crescents’: A ‘Geopolitical New Moon’ in the South Caucasus

Mirmehdi M. Aghazada

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 agazade-mm@rudn.ru

Abstract. The Islamic Republic of Iran and the Republic of Türkiye, two historical rivals in the South Caucasus and the Middle East, pay special attention to relations with the Republic of Azerbaijan. This is primarily due to ethnolinguistic, religious-ideological, and geopolitical factors. The aim of the paper is to identify the distinctive characteristics of the Iranian and Turkish crescents, as well as Azerbaijan’s place in the clash of these two foreign policy strategies. The Iranian crescent refers to Iran’s influence and/or presence in Lebanon, Syria, Iraq, Azerbaijan, Bahrain, and Yemen. The author introduces the term ‘Turkish crescent’ as Türkiye’s foreign policy strategy, the main aim of which is to strengthen the country’s position in the South Caucasus and the Middle East by building up military forces and expanding trade and economic ties, as well as to contain Iranian influence in the region. The Turkish crescent means Türkiye’s influence and/or presence in Libya, Cyprus, Syria, Iraq, Azerbaijan, Qatar, and Somalia. The term ‘geopolitical new moon’ refers to the new geopolitical realities that emerged after the Second Karabakh War in the South Caucasus and have an impact on the regional security architecture, including the policies of Iran and Türkiye in this region. The article analyzes the peculiarities of the Iranian and Turkish crescents and the use of the Azerbaijani factor by Iran and Türkiye in implementing their strategies against each other. This paper is based on constructive realism, as religious, ideological, and ethnic factors play a special role in the rivalry between Iran and Türkiye in the South Caucasus and the Middle East, along with military, political, and economic factors. The author employs a descriptive-analytical approach, gathering necessary information from documents, scientific papers, media materials, and comparative analysis to assess the impact of the rivalry between Türkiye and Iran on Azerbaijan’s foreign policy orientation. It can be concluded that Iran lost to Türkiye in the Azerbaijani segment of the clash of two ‘crescents.’

Key words: Iranian crescent, Turkish crescent, Republic of Azerbaijan, Islamic Republic of Iran, Republic of Türkiye, religious factor, Shi’ism, Sunnism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project “Azerbaijani-Iranian Relations in the New Geopolitical Realities after the Second Karabakh War” in the RSF 2022 competition “Conducting proactive research by young scientists” of the Presidential program of research projects implemented by leading scientists, including young scientists (No. 22-78-00067).

For citation: Aghazada, M. M. (2024). The Azerbaijani factor in the clash of the Iranian and Turkish ‘crescents’: A ‘geopolitical new moon’ in the South Caucasus. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 520–533. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-520-533>

Введение

Исламская Республика Иран (ИРИ) и Турецкая Республика (ТР), два соседних крупных государства в Юго-Западной Азии, имеют политические, культурные и этноконфессиональные связи, уходящие корнями в глубь истории. С одной стороны, этот долгий и богатый исторический опыт создал

образец иногда дружественных, а иногда и напряженных двусторонних отношений, а с другой — привел к жесткой геополитической конкуренции между двумя странами. Взаимное соперничество и недоверие между ИРИ и ТР особенно усилилось после окончания холодной войны в 1991 г., поскольку появление новых независимых государств

на Южном Кавказе и в Центральной Азии, а также возникновение «геополитического вакуума» на Ближнем Востоке, вызванного распадом СССР, было воспринято Тегераном и Анкарой как новый шанс для реализации своих региональных амбиций.

В то время иранские власти в основном сосредоточились на религиозной составляющей своей внешней политики, делая акцент на «экспорте исламской революции», а турецкие власти начали продвигать идеологию в рамках единой тюркской идентичности. Иными словами, «экспорт тюркскости» стал главным идеологическим направлением во внешней политике Турции в отношении новых тюркоязычных государств, которые долгое время находились в составе Российской империи и СССР и «забыли о своих корнях». В частности, Азербайджанская Республика (АР), имеющая исторические, этнокультурные, религиозные связи с ИРИ и ТР, стала полем идеологической борьбы между Анкарой и Тегераном.

Следует отметить, что в своих научных работах ученые уделяли большое внимание внешней политике *Турции* (Аватков, Сбитнева, 2023; Шлыков, 2023; Devocioğlu, 2024; Duran, 2022; Kınık, 2022; Şahin, 2022) и *Ирана* (Ахмедов, 2022; Филин, Кокликов, Ходунов, 2021), а также их отношениям с *Азербайджаном* (Аватков, 2022; Агазаде, 2023; Белов, Савичева, 2021; Гузаеров, 2023; Сажин, 2019; Valiyev, 2021). Отдельно необходимо упомянуть работы, посвященные «*иранскому полумесяцу*» (Сарабьев, 2019; Хазанов, Гасратян, 2021; Чикризова, Ивкина, 2023; Avci, 2023; Barzegar, 2008; Raunic, 2016) и *соперничеству между Тегераном и Анкарой* (Комлева, 2022; Golmohammadi & Markedonov, 2024).

Наряду с военно-политическими и экономическими факторами религиозный, идеологический и этнический факторы занимают особое место в конкуренции между Ираном и Турцией. В этой связи в основе данного исследования лежит конструктивный реализм, учитывающий все вышеперечисленные факторы в совокупности (Barkin, 2010; Lobell, 2017). Кроме того, автор пользовался описательно-аналитическим подходом, собирая

необходимую информацию путем изучения научных работ, документов и материалов СМИ. Метод сравнительного анализа был использован для определения степени влияния соперничества между Ираном и Турцией на внешнеполитическую ориентацию Азербайджана.

«Иранский полумесяц»

Разница между шиизмом и суннизмом, двумя главными направлениями в исламе, во многом основана на том, кто должен был стать халифом после смерти пророка Мухаммеда. Если шииты считают Али ибн Абу Талиба и его потомков настоящими преемниками пророка, то сунниты верят, что Абубакр, Умар и Усман стали халифами на законных основаниях. Убийство Али в 661 г. и его сына Хусейна в 680 г., притеснение шиитов во время правления Омейядов (661–750 гг.) и Аббасидов (750–1258 гг.) создали образ «угнетенных шиитов», и, несмотря на возникновение в разные периоды таких сильных государств, как Фатимидский халифат (909–1171 гг.), государство Кара-Коюнлу (1410–1468 гг.) и Сефевидская империя (1501–1736 гг.), главной религиозной идеологией которых был шиизм, этот образ сохранялся, что превращало шиитов в «оппозиционную силу» внутри ислама, способную к сопротивлению ради самосохранения.

В этом контексте революция 1979 г. в Иране¹ не только оказала серьезное влияние на мусульманский мир в целом, но и стала причиной зарождения «надежды» в сердцах шиитов. А это, в свою очередь, вызвало тревогу в странах с шиитским населением из-за возможного роста сепаратистских настроений среди них (Комлева, 2022, с. 123). Таким образом, шиитский рычаг стал для Ирана одним из главных инструментов реализации его внешнеполитических целей после 1979 г., пройдя четыре этапа эволюции: 1) 1979–1989 гг.;

¹ Иранская революция отличалась от других тем, что если другие революции были направлены на свержение старого и установление нового порядка, то иранская революция, напротив, была направлена на возвращение старого порядка, при котором религиозная аристократия занимала важное место в политической жизни страны.

2) 1990–2002 гг.; 3) 2003–2010 гг.; 4) 2011–2024 гг.

Первый этап запомнился активными попытками иранских властей экспортировать «исламскую революцию», ирано-иракской войной и созданием первых религиозных проиранских сил на Ближнем Востоке, таких как «Хезболла». Хотя во время войны с Ираком в 1980–1988 гг. иранские власти неоднократно пытались использовать в своих интересах шиитское население Ирака, эти попытки не увенчались успехом из-за ограниченного влияния на соседнее государство.

На втором этапе, в частности в первой половине 1990-х гг., иранские власти активно участвовали в создании исламских партий в новых независимых государствах после распада СССР. Например, Тегеран не скрывал своей финансовой поддержки созданной в 1991 г. в Азербайджане Исламской партии, через которую планировал оказывать влияние на общественное мнение АР. Это, в свою очередь, было воспринято азербайджанскими властями как серьезная угроза, в результате чего в 1995 г. деятельность партии была запрещена, а ее лидеры арестованы (Агазаде, 2021, с. 807). В этот период также наблюдались попытки иранских властей пользоваться расколом арабского мира после нападения Ирака на Кувейт.

Если в период правления С. Хусейна Иран не мог использовать «шиитскую силу» в Ираке, то после вторжения в Ирак США и их союзников в 2003 г. это ограничение было полностью снято, что привело к резкому усилению иранского влияния в стране. В этой связи одним из вопросов, вышедших на первый план во внешней политике Ирана на иракском направлении, стали усилия Тегерана по поддержке шиитских групп и их интеграции в политическую систему для реструктуризации Ирака (Авси, 2023, р. 109). В 2004 г. король Иордании Абдалла II ибн Хусейн в своем интервью американской газете «Вашингтон пост» заявил, что может возникнуть «шиитский полумесяц», простирающийся от Ирана до Ирака, Сирии и Ливана, если проиранские партии будут преобладать

в иракском правительстве². После его заявления обсуждение планов Ирана по созданию «шиитского полумесяца» или «шиитской дуги» на Ближнем Востоке стало дискуссионной темой среди ученых, исследующих геополитические процессы в регионе.

Третий этап, охвативший 2003–2010 гг., запомнился усилением позиций Ирана в регионе Ближнего Востока.

На четвертом этапе, начавшемся после «арабской весны» и продолжающемся по сей день, ИРИ удалось расширить свое влияние на Ближнем Востоке. Например, иранские власти не только оказывали политическую поддержку тогдашнему сирийскому президенту Б. Асаду, но и снабжали его власти финансами, военными советниками, в том числе бойцами, доставленными в Сирию из Ирака, Ливана и Афганистана (Ахмедов, 2022, с. 248). Иран также активно действует в Йемене после начала гражданской войны в этой стране, несмотря на то что хуситы изначально не были иранскими прокси-силами. Однако на фоне серьезной поддержки Ирана, в частности военной помощи, хуситы превратились из местной партизанской группировки в более совершенную вооруженную силу и стали проиранскими. При этом йеменские шииты исповедуют зейдитскую доктрину, которая отличается от доктрины джафаритского толка, являющейся официальной государственной религиозной идеологией ИРИ. Однако это различие не является препятствием для того, чтобы Иран помогал им (Хазанов, Гасратян, 2021, с. 115).

На каждом из вышеуказанных этапов иранские власти действовали исходя из ст. 11 Конституции ИРИ. Данная статья, ссылаясь на 92-й аят суры «Аль-Анбия» (Пророки) Корана, гласит, что все мусульмане — это одна община, и политическая идеология ИРИ

² Wright R., Baker P. Iraq, Jordan See Threat to Election from Iran: Leaders Warn Against Forming Religious State // *Washington Post*. December 8, 2004. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/12/08/iraq-jordan-see-threat-to-election-from-iran/7e0cc1bc-aeb3-447a-bc9e-cfa5499699bc/> (accessed: 21.03.2024).

основана на этом фундаменте³. В этой связи Иран провозгласил себя защитником мусульманского мира перед лицом антиисламских режимов (Paunic, 2016, p. 74) и претендует на роль нового лидера мусульманского мира (Юртаев, 2010, с. 105). Следует также отметить, что иранские власти никогда не отказывались от экспорта «исламской революции» и продолжают проводить такую политику по сей день. Только в зависимости от президентов страны этот курс либо четко проявляется во внешней политике, либо отходит на второй план. Так, если в годы президентства М. Хатами (1997–2005 гг.) и Х. Рухани (2013–2021 гг.) реализовывалась «умеренная внешняя политика», то М. Ахмадинежад (2005–2013 гг.) проводил жесткий внешнеполитический курс, выступая за возврат к революционным ценностям во внешней политике (Sinkaya, 2022, p. 400). Тем самым иранская внешняя политика радикализировалась в период президентства М. Ахмадинежада. Погибший в авиакатастрофе президент И. Раиси (2021–2024 гг.) также следовал такому курсу.

Необходимо подчеркнуть, что в академических кругах ведутся дискуссии о том, реально ли существует «шиитский/иранский полумесяц» или он искусственно сконструирован. Например, Б. Синкая считает, что формирование «шиитского полумесяца» не имеет под собой реальной основы (Sinkaya, 2007, p. 57). По мнению К. Барзегара, известного иранского ученого, учитывая существующие культурно-социальные и исторические различия между персидским и арабским народами, реализация «шиитского полумесяца» почти невозможна, а попытка иранских властей по созданию коалиции дружественных шиитам правительств основана на стратегическом обосновании и является прагматичной, а не идеологической (Barzegar, 2008, p. 87). Такие иранские исследователи, как

Б. Зарками, С. Шоштари и С. Ансари Заде, полагают, что в регионе существует устойчивая шиитская геополитика, однако «шиитский полумесяц» не только является идеологическим вопросом, выдумкой Запада и его региональных союзников на Ближнем Востоке, а создание такого «полумесяца» нереально и утопично (Zarqami, Shoshtari, Ansari Zadeh, 2014, p. 212).

Проанализировав экономический фактор и фактор безопасности на Ближнем Востоке, О.С. Чикризова и Н.В. Ивкина делают заключение, что «шиитского полумесяца» не существует (Чикризова, Ивкина, 2023, с. 102). А.В. Сарабьев, в свою очередь, заявляет, что нет необходимости уделять серьезное внимание «шиитской дуге», поскольку это просто пропагандистская схема, удобная как для Ирана, так и для его противников (Сарабьев, 2019, с. 58).

Ч. Чакмак утверждает, что идея «шиитского полумесяца» приобрела более широкую популярность и признание после начала «арабской весны», и этот полумесяц может стать новой реальностью на Ближнем Востоке (Çakmak, 2015, p. 61). По мнению С. Авджи, Иран поддерживает шиитские группировки, используя различные политические, экономические, культурные и пропагандистские инструменты для сдерживания суннитских государств в регионе, и в этом контексте «шиитский полумесяц» можно считать важным фактором в геополитических процессах на Ближнем Востоке (Avci, 2023, p. 125).

Можно сослаться и на работы других ученых, утверждающих или отрицающих существование «шиитского полумесяца», но несомненным является тот факт, что иранские власти инструментализируют религиозный фактор, а именно шиизм, и эффективно используют его во внешней политике страны. Что же касается «шиитского/иранского полумесяца», то можно рассматривать его с точки зрения ряда факторов.

1. *Военно-политический фактор*. Сегодня Иран имеет прокси-силы в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене. Используя их, Тегеран, с одной стороны, пытается противостоят новой периферийной стратегии Израиля,

³ Полный текст Конституции Исламской Республики Иран с поправками [Matne kamile qanune esasi cumhuriye eslamiye Iran hemrah ba eslahat] // Lorestan University. (На персидском языке). URL: https://www.lu.ac.ir/uploads/123456_20436.pdf (accessed: 24.03.2024).

которая в значительной степени направлена против Ирана, а с другой — оказывает влияние на конфигурацию региональной системы безопасности на Ближнем Востоке. Тем самым ИРИ обеспечивает свою национальную безопасность, проводя активную политику в странах «шиитского/иранского полумесяца».

2. Религиозно-идеологический фактор. Наблюдается борьба между шиизмом и суннизмом внутри ислама, на фоне которой Иран, считающий себя лидером шиитского мира (Белов, Савичева, 2021, с. 622), способствует распространению шиитских идеологий джафаритского толка не только на Ближнем Востоке и Южном Кавказе, но и в Африке. Значительная часть населения Азербайджана, Бахрейна, Ирака, Ливана, Йемена и Сирии исповедует шиитский ислам, что позволяет Тегерану иметь «массы», на которые он может влиять.

Так или иначе, Иран проводит активную политику на ливанском, сирийском, иракском, йеменском направлениях, а также имеет возможность влияния на определенную часть населения Азербайджана и Бахрейна. Это и

есть тот самый «шиитский полумесяц». Другими словами, «иранский», или «шиитский полумесяц», — это влияние и/или присутствие Ирана в Ливане, Сирии, Ираке, Азербайджане, Бахрейне и Йемене (рис. 1). Более того, Тегеран использует «иранский полумесяц» как важный элемент, определяющий геополитические интересы страны. Автор данной статьи не пытается вступить в полемику с экспертами, категорично не принимающими термин «иранский полумесяц» или отрицающими такое явление на Ближнем Востоке. Можно назвать иранский фактор в регионе по-другому, не «шиитским» или «иранским полумесяцем», а просто «иранским серпом», но от этого не изменится тот факт, что на Ближнем Востоке существует серьезный иранский геополитический проект. То есть суть дискуссии заключается не в том, какой термин больше подходит для описания ситуации, а в том, что ИРИ имеет серьезные рычаги влияния и давления в регионе. В целом «иранский полумесяц» основан скорее на геополитических, чем на религиозно-идеологических факторах.

Рис. 1. Зона влияния «иранского полумесяца» (Ливан, Сирия, Ирак, Азербайджан, Бахрейн и Йемен)

Источник: составлено М.М. Агазаде на основе карты с сайта sharada.ru. URL: <https://www.sharada.ru/pdf-maps/maps/gruppy-stran/blizhnij-vostok-blankovaja-karta> (дата обращения: 25.04.2024).

Рис. 2. Зона влияния «турецкого полумесяца» (Ливия, Кипр, Сирия, Ирак, Азербайджан, Катар и Сомали)
Источник: составлено М.М. Агазаде на основе карты с сайта sharada.ru. URL: <https://www.sharada.ru/pdf-maps/maps/gruppy-stran/blizhnij-vostok-blankovaja-karta> (дата обращения: 25.04.2024).

«Турецкий полумесяц»

Начиная с 2002 г. Турция, имеющая общее историческое прошлое с государствами Ближнего Востока, не только активнее сотрудничает со странами региона, но и играет особую роль в региональных военно-политических процессах. В результате политики Р.Т. Эрдогана Турция стала одним из ключевых региональных акторов на Ближнем Востоке, способных защитить собственные интересы (Аватков, Сбитнева, 2023).

Учитывая активную политику Турции на Ближнем Востоке и Южном Кавказе, автор вводит термин «турецкий полумесяц»⁴, под которым понимается *влияние и/или присутствие Турции в Ливии, на Кипре, в Сирии, Ираке, Азербайджане, Катаре и Сомали* (рис. 2). Турция имеет военные базы или военно-тренировочные центры во всех вышеуказанных странах.

⁴ Автор данной статьи неоднократно говорил о «турецком полумесяце» в своих выступлениях на научных мероприятиях различного уровня. Этот термин был воспринят учеными с большим интересом.

Политика Турции в отношении Ливии сразу после начала «арабской весны» не была однозначной. В начале гражданской войны в Ливии турецкие власти предпочитали выжидательную позицию, одновременно пытаясь сыграть роль посредника между конфликтующими сторонами. Применение этого подхода во внешней политике во многом было обусловлено политическими взглядами тогдашнего министра иностранных дел Турции А. Давутоглу (2009–2014 гг.) на ливийский конфликт (Uzunöner & Çıkrıkçı, 2023, p. 28). Однако затем Турция поддерживала Переходный национальный совет Ливии, с 2015 г. — Правительство национального согласия, а с 2021 г. — Правительство национального единства. В настоящее время турецкие власти установили контакты и ведут диалог со всеми силами в Ливии⁵.

Политику Турции на ливийском направлении необходимо рассматривать в контексте

⁵ Türkiye — Libya Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-libya-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (accessed: 21.03.2024).

ее стратегии в Восточном Средиземноморье в целом. Следует уделить особое внимание подписанному 27 ноября 2019 г. меморандуму о взаимопонимании между правительством Турецкой Республики и правительством национального согласия Государства Ливия по вопросу о разграничении зон морской юрисдикции в Средиземном море⁶. Что же касается отношений Турции с Правительством национального единства, то между ними подписано 11 меморандумов о взаимопонимании в различных сферах⁷.

Кипр, занимающий стратегически важное расположение в Восточном Средиземноморье, находился под турецким контролем в 1571–1878 гг.⁸ После кипрского кризиса 1974 г. было создано Турецкое федеративное государство Кипра, а в 1983 г. была провозглашена независимость Северного Кипра (Bostancı, 2015, p. 336). В 2011 г. Турция заключила соглашение об установлении исключительной экономической зоны с непризнанной Турецкой Республикой Северного Кипра (Tuna, 2020, p. 75). На Северном Кипре располагается 40-тысячный контингент военнослужащих (Командование турецких миротворческих сил)⁹.

Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 г., является одним из основных вопросов, стоящих на повестке дня в региональной и глобальной политике. В начале конфликта турецкие власти поддерживали свержение режима Б. Асада, активно взаимодействуя с оппозиционными силами. Однако с помощью Ирана и России Б. Асаду удалось сохранить власть с 2011 до декабря 2024 г. Кроме

⁶ Türkiye — Libya Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-libya-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (accessed: 21.03.2024).

⁷ Ibid.

⁸ Kıbrıs meselesinin tarihçesi, BM müzakerelerinin başlangıcı // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/kibris-meselesinin-tarihcesi-bm-muzakerelerinin-baslangici.tr.mfa> (accessed: 21.03.2024).

⁹ Ankara adımı ilan etti... İşte Türkiye'nin KKTC'deki askeri gücü // Star. September 30, 2022. URL: <https://www.star.com.tr/guncel/ankara-adimini-ilan-etti-iste-turkiyenin-kktcdaki-askeri-gucu-haber-1739872/> (accessed: 23.03.2024).

того, стратегические приоритеты Турции в Сирии изменились с начала 2016 г. из-за активной политики сирийской курдской партии «Демократический союз» и ее связи с Рабочей партией Курдистана, которая запрещена и считается террористической организацией в Турции (Altunışık, 2020, p. 5). С 2017 г. между Турцией, Россией и Ираном регулярно проводятся встречи в рамках «Астанинского формата» для поддержания режима прекращения огня и обеспечения принятия мер по укреплению доверия между конфликтующими сторонами в Сирии. Следует также отметить, что с 2016 г. турецкая армия провела 5 успешных военных операций на территории Сирии: «Щит Евфрата» (август 2016 г. — март 2017 г.), «Оливковая ветвь» (январь-март 2018 г.), «Источник мира» (октябрь 2019 г.), «Зимний орел» (февраль 2022 г.) и «Коготь-меч» (ноябрь 2022 г.)¹⁰. В результате свержения режима Б. Асада протурецкими силами в декабре 2024 г. Анкара еще больше укрепила свои позиции в Сирии.

Ирак является важным соседом для Турции с точки зрения безопасности, энергетики, торговли и социального взаимодействия. Такие вопросы, как курдская проблема, терроризм, распределение водных ресурсов, энергетические ресурсы и положение туркмен в Ираке, занимают особое место в отношениях между двумя странами. На данный момент еще одним важным направлением в турецко-иракских отношениях является транспортный проект «Путь развития». В ходе официального визита президента Турции Р.Т. Эрдогана в Ирак 22 апреля 2024 г. между двумя странами был подписан меморандум о взаимопонимании по данному проекту¹¹.

До прихода к власти Р.Т. Эрдогана в 2003 г. особого прогресса в турецко-

¹⁰ Türkiye — Suriye Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-suriye-siyasi-iliskileri-tr.mfa> (accessed: 23.03.2024).

¹¹ Лакстыгал И. Турция вовлекает Катар и ОАЭ в транспортный коридор через Ирак // Ведомости. 23.04.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/04/23/1033649-turtsiya-vovlekaet> (дата обращения: 24.04.2024).

катарских отношениях не наблюдалось. До 2010 г. двусторонние отношения в основном развивались в торгово-экономической сфере, однако с началом «арабской весны» на первый план вышли вопросы безопасности. Новая страница в турецко-катарских отношениях открылась 19 декабря 2014 г., когда был подписан меморандум о взаимопонимании, направленный на укрепление двустороннего военно-оборонного сотрудничества и позволяющий Турции создать военную базу в Катаре (Kınık, 2022, р. 31). В результате Турция открыла свою первую зарубежную военную базу в Катаре в 2015 г. (Шлык, 2023, с. 146).

Турецкий фактор в Катаре усилился в 2017–2020 гг. — в период «катарской блокады». Именно при поддержке Турции была предотвращена попытка переворота в Катаре, что сделало блокаду фактически бессмысленной (Duran, 2022, р. 169). Также необходимо отметить, что за последние 10 лет в рамках деятельности Высшего стратегического комитета Турция — Катар, созданного в 2014 г., подписано более 90 соглашений¹².

Турецко-сомалийские отношения приобрели новый характер после официального визита Р.Т. Эрдогана в Сомали 19 августа 2011 г.¹³ Визит ознаменовал начало крупнейшей зарубежной операции Турции по оказанию помощи, и с тех пор Сомали было предоставлено более 1 млрд долл. США в области гуманитарной помощи и развития¹⁴. В этот период увеличился объем торговли между двумя странами и расширилось сотрудничество в военной сфере и сфере безопасности. Позднее, в 2017 г., была открыта турецкая военно-тренировочная база вблизи Могадишо для обучения и укрепления сомалийской армии (Şahin, 2022). Важным событием

в двусторонних отношениях стало подписание 8 февраля 2024 г. рамочного соглашения об оборонном и экономическом сотрудничестве между странами. Документ охватывает вопросы обороны и безопасности и рассчитан на 10 лет сотрудничества. По условиям данного соглашения между двумя странами будут созданы совместные военно-морские силы, которые в течение 10 лет будут защищать морские территории Сомали и способствовать разработке морских ресурсов (Devecioğlu, 2024, р. 9).

Таким образом, в результате политики, проводимой Турцией при Р.Т. Эрдогане на протяжении последних 20 лет, сформировалась турецкая геополитика на Ближнем Востоке, которую автор данной статьи называет «турецким полумесяцем». «Турецкий полумесяц», с одной стороны, направлен на укрепление позиции Турции в регионе, а с другой — на сдерживание амбиций Ирана. На сегодняшний день иранский и турецкий «полумесяцы» напрямую сталкиваются в Сирии, Ираке и Азербайджане.

Азербайджанский фактор в иранском и турецком «полумесяцах»

Политику ИРИ в отношении АР в рамках «иранского полумесяца» следует проанализировать с точки зрения трех основных факторов.

Этнический фактор

Численность азербайджанских тюрков, проживающих на территории Ирана, составляет около 30 млн человек (Агазаде, 2023, с. 724–725), и после победы Азербайджана во Второй карабахской войне (ВКВ) наблюдается рост политического национализма среди них. Это, в свою очередь, беспокоит иранские власти и вынуждает их учитывать этот фактор в отношениях с Азербайджанской Республикой.

Религиозно-идеологический фактор

Большинство населения Азербайджана исповедует ислам джафаритского толка, являющегося официальной религией ИРИ

¹² Kayağdı Duran Z.H. Türkiye ile Katar pek çok alanda güçlü ilişkilerini koruyor // Anadolu Ajansı. July 18, 2023. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/turkiye-ile-katar-pek-cok-alanda-guclu-iliskilerini-koruyor/2948417> (accessed: 27.03.2024).

¹³ Türkiye — Somali Siyasi İlişkileri // Türkiye Cumhuriyet Dışişleri Bakanlığı. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-somali-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (accessed: 27.03.2024).

¹⁴ Ibid.

в соответствии со ст. 12 Конституции¹⁵. Однако следует отметить, что в джафаритском толке существует понятие «таклид», которое возникло в X в., но получило широкое распространение после распада империи Афшаридов в XVIII в. «Таклид» означает, что каждому мусульманину необходимо следовать за авторитетным религиозным ученым. С середины XVIII в. активное использование «таклида» носит исключительно политический характер, так как после распада империи Афшаридов была потеряна территория, простирающаяся от северо-запада Индии до Ирака и Северного Кавказа, которая до вхождения в состав империи Афшаридов была частью Сефевидского Ирана. Чтобы сохранить влияние среди народов «потерянных территорий», с середины XVIII в. религиозная аристократия уделяла особое внимание «таклиду». Данная политика продолжалась в XIX и XX вв., даже во время правления династии Пехлеви (1925–1979 гг.) в Иране, что свидетельствует о важной роли религиозной аристократии в политической жизни Ирана до революции 1979 г.¹⁶ Однако если раньше религиозный фактор использовался иранскими властями в ограниченных условиях, то после прихода религиозной аристократии к власти в Иране в 1979 г. он стал одним из главных внешнеполитических инструментов. Например, начиная с 1990-х гг. иранские власти направляли религиозных деятелей в разные города АР с целью привлечения населения, лояльного именно иранским клерикалам. Поэтому неслучайно, что Азербайджанская Республика стала одной из «первых и основных целей ирано-шиитского внимания» (Сажин, 2019, с. 165).

¹⁵ Полный текст Конституции Исламской Республики Иран с поправками [Matne kamile qanune esasi cumhuriye eslamiye Iran hemrah ba eslahat] // Lorestan University. (На персидском языке). URL: https://www.lu.ac.ir/uploads/123456_20436.pdf (accessed: 24.03.2024).

¹⁶ По сравнению с Ираном, где религиозная аристократия с начала XVI в. по сей день имеет серьезные рычаги влияния во всех сферах жизни страны, в Турции с 1923 г. после провозглашения М.К. Ататюрком Турецкой Республики и до 2003 г., до прихода к власти Р.Т. Эрдогана, религиозная аристократия не оказывала существенного влияния на политическую жизнь страны.

Геополитический фактор

Турция и Израиль имеют тесные связи с Азербайджаном. Для Турции Азербайджан является «мостом» на пути в Центрально-Азиатский регион. В частности, победа Азербайджана в ВКВ в 2020 г. и преобразование Тюркского совета в полноценную Организацию тюркских государств в 2021 г. были оценены Тегераном в качестве угрожающих его национальным интересам вызовов, хотя официальные лица Ирана в своих заявлениях поддерживали Азербайджан и поздравляли его с победой в ВКВ (Филин, Кокликов, Ходунов, 2021, с. 21). В контексте новой периферийной политики Израиля, направленной главным образом против ИРИ, Тель-Авив уделяет особое внимание именно Азербайджану, поскольку значительную часть населения Ирана составляют этнические азербайджанцы. В этой связи Азербайджан воспринимается иранскими властями как «источник угрозы», что время от времени становится причиной напряженности в двусторонних отношениях между АР и ИРИ.

Что касается политики Турции в отношении Азербайджана, то она также должна рассматриваться с учетом трех факторов.

Этнолингвистический фактор

Азербайджанские и анатолийские тюрки относятся к огузской группе тюркоязычных народов, в связи с чем азербайджанский и турецкий языки очень похожи. Более того, вплоть до XVI в. предки нынешних азербайджанских и анатолийских тюрков говорили на одном диалекте. По этому поводу известный современный турецкий историк И. Ортайлы в своем интервью отметил: «Почему мы любим азербайджанский диалект? Потому что он — наша молодость, молодость нашей культуры, нашего языка, а все любят свою молодость»¹⁷. Именно благодаря языковому фактору турецкая «мягкая сила» наиболее эффективно работает в Азербайджане по сравнению с другими направлениями внешней политики Анкары.

¹⁷ Azərbaycanlılar Türk müdür // YouTube. January 13, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=67xRXPgk-w> (accessed: 01.04.2024).

Религиозно-идеологический фактор

Общее тюркское происхождение, религиозное единство, схожая культура, обычаи и традиции входят в число факторов, определяющих уровень и темп развития турецко-азербайджанских отношений. Особенно ярко тюркская идентичность проявляется в двусторонних отношениях и является краеугольным камнем в укреплении связей между народами двух стран на идеологическом уровне. В отношении Турции и Азербайджана часто используется такая фраза, как «Одна нация — два государства», что свидетельствует о высоком уровне взаимоотношений (Аватков, 2022).

Геополитический фактор

Как уже отмечалось, географическое расположение Азербайджана позволяет ему играть роль «моста» между Турцией и странами Центральной Азии. В частности, после победы Азербайджана в ВКВ в 2020 г. и создания Организации тюркских государств в 2021 г. возросло значение Азербайджана для продвижения интересов Турции в Центральной Азии. В повестке дня появился вопрос о реализации Зангезурского коридора, открытие которого, с одной стороны, обеспечит сухопутное сообщение между Турцией и основной частью Азербайджана, а с другой — придаст импульс развитию многосторонних отношений между членами Организации тюркских государств. Подписав Шушинскую декларацию 15 июня 2021 г., Турция и Азербайджан официально стали военными союзниками (Гузаеров, 2023).

Необходимо отметить, что исторически этнолингвистические и религиозно-идеологические факторы играли ключевую роль во взаимодействии Восточной Анатолии, Южного Кавказа и северо-западной части Ирана. Азербайджанские тюрки, исповедующие джафаритский толк ислама, как и персы, и имеющие общие этнические корни с анатолийскими тюрками, являлись своего рода связующим звеном во взаимодействии между этими двумя народами на протяжении долгого Средневековья. Однако с вхождением в состав Российской империи Южного Кавказа

в начале XIX в. азербайджанские тюрки утратили этот «статус», а после 1991 г., когда Азербайджан обрел независимость, он стал прежде всего ареной религиозно-идеологической борьбы между Турцией и Ираном.

Несмотря на то, что Турция традиционно считается суннитской страной, а Азербайджан — шиитской, этот фактор не только не мешает развитию двусторонних отношений, но и способствует изменению «религиозного климата» в обществе этих стран. Например, за последние 30 лет в Азербайджане идет процесс суннитизации, а в Турции, наоборот, наблюдается процесс шиитизации населения, в частности в Восточной Анатолии. Однако следует отметить, что в шиитизации населения Турции особую роль играют не религиозные деятели Азербайджанской Республики, а этнические азербайджанцы, проживающие в Иране и являющиеся его гражданами. Если для Анкары суннитизация населения Азербайджанской Республики в будущем может оказать серьезное влияние на азербайджанцев, проживающих на территории ИРИ, тем самым усилив позиции Турции внутри Ирана и даже сформировав «пятую колонну», то Тегеран с целью формирования лояльного себе общества в Турции использует своих граждан — этнических азербайджанцев — в шиитизации турецкого населения в силу языкового фактора. Иными словами, именно религиозно-идеологический фактор занимает ключевое место в долгосрочной политике Турции и Ирана в отношении друг друга, а азербайджанский фактор является важным инструментом в реализации их стратегий друг против друга.

Необходимо также подчеркнуть, что после победы Азербайджана в ВКВ наблюдается «геополитическое новолуние» на Южном Кавказе. Под этим термином подразумеваются новые геополитические реалии, сложившиеся в регионе после ВКВ и оказывающие влияние на региональную архитектуру безопасности. Победа Азербайджана в ВКВ не только стала причиной нарушения расстановки сил и изменила геополитическую атмосферу в регионе, но и способствовала

формированию нового, но еще не до конца устоявшегося регионального статус-кво на Южном Кавказе. В этих условиях особое внимание уделяется внутрирегиональным интеграционным процессам, в частности разблокированию всех транспортных сетей на Южном Кавказе.

Результаты и последствия ВКВ заставили Иран пересмотреть свою политику на Южном Кавказе (Golmohammadi & Markedonov, 2024, p. 154). Иран действительно проводит активную политику на Ближнем Востоке, однако его присутствие практически не ощущается на Южном Кавказе из-за сильного турецко-азербайджанского тандема, укрепившегося после подписания Шушинской декларации в 2021 г. и ограниченности ресурсов иранских властей в этом регионе. В частности, отсутствие проиранских прокси-сил на Южном Кавказе является главной причиной того, почему Иран остается вне основных геополитических процессов в данном регионе. Ведь именно благодаря своим прокси в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене иранским властям удается вести свою геополитическую «игру» на Ближнем Востоке.

Для Турции ВКВ стала успешным опытом сочетания растущей военной мощи и дипломатических шагов. Вместе с тем победа Азербайджана в этой войне была важна для Турции с точки зрения укрепления ее лидерства в тюркском мире (Valiyev, 2021, p. 13). «Геополитическое новолуние» на Южном Кавказе позволяет турецким властям максимально ограничить влияние Тегерана в азербайджанском звене «иранского полумесяца», а также расширить военно-политические связи со странами Центральной Азии. Более того, новые геополитические реалии создают благоприятные условия для развития торговых и транспортных путей между Турцией и странами Центральной Азии.

Заключение

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

После исламской революции 1979 г. Иран поэтапно расширял свое влияние на Ближнем Востоке. В частности, из-за «арабской весны» появилась историческая возможность изменить систему региональной безопасности на Ближнем Востоке, в которой ИРИ не только играет одну из ключевых ролей, но и претендует на статус лидера региона. Тем самым Тегерану удалось создать «иранский полумесяц», то есть зону влияния на Ближнем Востоке, что региональные и глобальные игроки вынуждены принимать во внимание.

Р.Т. Эрдоган, ставший главой Турции в 2003 г., начал постепенно развивать военно-политические связи со странами Ближнего Востока. Геополитические изменения в регионе после «арабской весны» также позволили Анкаре укрепить свое влияние на Ближнем Востоке. В итоге образовался «турецкий полумесяц» в противовес «иранскому полумесяцу». Кроме того, если Тегеран в странах «иранского полумесяца» использует в основном свои прокси-силы, то Анкара в отличие от своего соперника официально имеет свой контингент в странах «турецкого полумесяца».

Имея исторические, культурные, этнолингвистические и религиозно-идеологические связи с Ираном и Турцией, Азербайджан является важным звеном в столкновении иранского и турецкого «полумесяцев». В этом соперничестве остро проявляется религиозно-идеологическое измерение, являющееся камнем преткновения в азербайджанском сегменте двух «полумесяцев». Учитывая успешную политику турецких властей в отношении Азербайджана, в том числе полноценную поддержку, оказанную Баку до и после ВКВ, можно утверждать, что Иран проиграл Турции в противостоянии за влияние на Азербайджан.

Поступила в редакцию / Received: 29.04.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 28.08.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Аватков В. А. Турция и Азербайджан: одна нация — одно государство? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 2. С. 90–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>; EDN: AJIHXH
- Аватков В. А., Сбитнева А. И. Турецкая Республика в преддверии столетия: эра Р.Т. Эрдогана // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 4. С. 595–608. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-595-608>; EDN: NTHNRR
- Агазаде М. М. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 4. С. 719–733. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-719-733>; EDN: PLIBUK
- Агазаде М. М. Азербайджано-иранские отношения: основные направления и особенности в 1991–2019 гг. (историографический обзор) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 4. С. 803–821. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-803-821>; EDN: DVPBOP
- Ахмедов В. М. Религиозные факторы политики Ирана в сирийском кризисе // *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. 2022. № 5. С. 247–255. EDN: UPHQPE
- Белов В. И., Савичева Е. М. Иран и Азербайджан: вызовы безопасности и сотрудничеству // *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4, № 7. С. 615–625. EDN: IZLAYZ
- Гузаеров Р. И. Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023 гг. // *Постсоветские исследования*. 2023. Т. 6, № 8. С. 860–870. EDN: QBXBAK
- Комлева Н. А. «Иранский квадрат» против «турецкого треугольника» // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2022. № 1. С. 116–132. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-1-1106>; EDN: KWOIAU
- Сажин В. И. Иран — Азербайджан: азербайджанский вопрос сегодня // *Труды Института востоковедения РАН*. 2019. № 26. С. 157–172. EDN: LBSRJF
- Сарабьев А. В. Ближневосточная «шиитская дуга»: реальная угроза или геополитическая химера? // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11, № 2. С. 39–64. EDN: RIQIDM
- Филин Н. А., Кокликов В. О., Ходунов А. С. Взгляды иранских политиков и экспертов на вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе в 2020 г. // *Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения*. 2021. № 1. С. 10–22. EDN: NGLKVA
- Хазанов А. М., Гасратян С. М. Роль «шиитского полумесяца» в нынешней ситуации на Ближнем Востоке (2000–2020) // *Россия и мусульманский мир*. 2021. № 4 (322). С. 111–119. EDN: SNHXKY
- Чикризова О. С., Ивкина Н. В. Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 1. С. 88–104. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-88-104>; EDN: VCNXUU
- Шлыков П. В. Турецкий кульбит. Стратегическое хеджирование — опыт практического применения // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, № 3. С. 142–159. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159>; EDN: GJIMNC
- Юртаев В. И. Иран: геополитика и стратегия развития // *Россия и мусульманский мир*. 2010. № 9. С. 103–117. EDN: MUSRKR
- Altunışık M. B. The New Turn in Turkey’s Foreign Policy in the Middle East: Regional and Domestic Insecurities. Roma : Istituto Affari Internazionali, 2020.
- Avcı S. İran Dış Politikasında Şii Hilali // *İslam medeniyeti dergisi*. 2023. Vol. 8, iss. 50. P. 107–132. <https://doi.org/10.55918/islammedeniyetidergisi.1209043>
- Barkin J. S. Realist Constructivism: Rethinking International Relations Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Barzegar K. Iran and the Shiite Crescent: Myths and Realities // *Brown Journal of World Affairs*. 2008. Vol. 15, no. 1. P. 87–99.
- Bostancı M. Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti’nin ilânı ve buna yönelik tepkilerin Türk kamuoyundaki yankıları // *Tarih Araştırmaları Dergisi*. 2015. Vol. 34, no. 57. P. 317–356. https://doi.org/10.1501/Tarar_0000000608

- Çakmak C.* The Arab Spring and The Shiite Crescent: Does Ongoing Change Serve Iranian Interests? // *The Review of Faith & International Affairs*. 2015. Vol. 13, no. 2. P. 52–63. <https://doi.org/10.1080/15570274.2015.1039299>
- Devecioğlu K.* Türkiye ve Somali: Bölgesel Güvenlikten Ekonomik Kalkınmaya Yeni Bir İş Birliği Yaklaşımı. Ankara : Ortadoğu Araştırmaları Merkezi, 2024.
- Duran B.* Türkiye and the Future of Normalization in the Middle East // *Insight Turkey*. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 161–180. <https://doi.org/10.25253/99.2022242.9>
- Golmohammadi V., Markedonov S. M.* How Iran Perceives Turkey's Rise in the South Caucasus // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, no. 1. P. 152–175. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-1-152-175>
- Kınık H.* Türkiye'nin çok boyutlu dış politikasına bir örnek: Türkiye Katar ilişkilerinin gelişimi // *Bariş Araştırmaları ve Çatışma Çözümleri Dergisi*. 2022. Vol. 10, no. 1. P. 27–46.
- Lobell S. E.* Structural Realism / Offensive and Defensive Realism // *International Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. Oxford : Oxford University Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.304>
- Paunic N.* The Rising Shi'a Crescent: Iranian Smart Power and Implications for the Middle East, Central Asia, and the Persian Gulf // *Carleton Review of International Affairs*. 2016. Vol. 3. P. 70–92. <https://doi.org/10.22215/cria.v3i0.120>
- Şahin M.* Türkiye'nin Somali Politikasının İncelenmesi // *Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi*. 2022. Vol. 9, no. 1. P. 109–147. <https://doi.org/10.26513/tocd.863114>
- Sinkaya B.* İslam Cumhuriyeti'nde dış politika: Çelişkiler ve ikilemler // *İran: Bir ülkenin akademik anatomisi / ed. by O. Karaoğlu, N. Elhan. İstanbul : İnkılap Kitabevi Yayın Sanayi ve Ticaret AŞ, 2022. P. 389–407.*
- Sinkaya B.* Şii Ekseni Tartışmaları ve İran // *Avrasya Dosyası*. 2007. Vol. 13, iss. 3. P. 37–63.
- Tuna F.* Türk Dış Politikasında Realist Yaklaşım: Türkiye'nin Doğu Akdeniz ve Libya Politikası // *Uluslararası Hukuk ve Sosyal Bilim Araştırmaları Dergisi*. 2020. Vol. 2, no. 1. P. 74–87.
- Uzunöner M. E., Çıkrıkçı T.* Türkiye, ABD ve Rusya'nın Libya İç Savaşına Yönelik Politikalarının Karşılaştırmalı Analizi // *Düşünce Dünyasında Türkiz*. 2023. Vol. 14, no. 64. P. 11–56. <https://doi.org/10.59281/turkiz.1205348>
- Valiyev J.* Turkey's South Caucasus Policy After the 44-Day War // *Caucasus Strategic Perspective*. 2021. Vol. 2, iss. 1. P. 11–25.
- Zarqami B., Shoshtari S. J., Ansari Zadeh S.* Shia Geopolitics or Shiite Crescent (Principles, Goals and Approaches) // *Human Geography Research*. 2014. Vol. 46, iss. 1. P. 197–214. <https://doi.org/10.22059/JHGR.2014.50600>

Сведения об авторе:

Агазаде Мирмехти Миркамил оглы — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 5198-7708; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru